

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ИЗ АРХИВА М.Е. ГУБОНИНА

К столетию со дня рождения Святейшего Патриарха Тихона, в 1965 г., Михаил Ефимович Губонин подготовил два тома «Воспоминаний о Святейшем Патриархе Тихоне» в машинописном виде. В первый том вошли сами воспоминания о Патриархе, а во второй — комментарии к ним. В «Богословском сборнике» (Вып. 6. М., 2000. С. 299—310) были опубликованы личные воспоминания Михаила Ефимовича о встречах со Святейшим Патриархом Тихоном. Работу над «Воспоминаниями» Михаил Ефимович не прекращал до последних дней своей жизни, он продолжал писать новые комментарии к статьям книги. Большая часть материала была готова в виде отдельных статей, примерно в шестьдесят авторских листов, машинописных и рукописных, остальной материал отложился в архиве в виде отдельных выписок, подобранных по определенной теме. Эта часть архива Михаила Ефимовича попала к протоиерею московского храма Пророка Илии Обыденного о. Владимиру Смирнову († 1981 г.), после смерти которого папку с этими материалами родственники отдали протодиакону Сергию Голубцову. В 2004 г. о. Сергей безвозмездно передал все эти материалы в архив ПСТГУ.

В данном сборнике мы предоставляем неизвестные страницы из архива М.Е. Губонина, написанные самим Михаилом Ефимовичем, которые не вошли в его рукопись «Современники о Святейшем Патриархе Тихоне».

Публикация и комментарии Н.А. Кривошеевой

СУЖДЕНИЯ О СВЯТОСТИ СВЯТЕЙШЕГО ПАТРИАРХА ТИХОНА

Непоколебимая убежденность в святости Святейшего Патриарха Тихона, возникшая где-то в самой глубокой и неуловимой толще русского церковного общества, сперва робко и случайно стала проявляться иногда еще при его жизни. Надо сказать, что и сам облик этого Первосвятителя, как духовный так и чисто внешний, зримый окружающими, как нельзя более соответствовал общественному, близкому и дорогому всем образу русской святости. Такие качества Святейшего, как необычайная, редко где встречаемая теплая простота и за-

душевная сердечность, смирение, граничащее с искренней конфузливостью, доброта, участливость и особая проникновенность, неизменно располагавшая к нему души собеседников и всецело покорявшая их, — все это с течением времени не могло не направлять мысли множества так или иначе общавшихся с ним людей в сторону совершенно естественной и единственно правильной оценки его духовной сущности как явной святости.

Иные ко всем этим общественным душевным свойствам Патриарха прилагали еще и сумму его исповеднических подвигов, которым, в начале 1920-х годов, действительно дивился весь христианский мир, как справедливо указывалось в одной из грамот (тех годов) Иерусалимского Патриарха Дамиана. В этом случае святость облика нашего Патриарха не ставилась под сомнение многими, даже весьма осторожными и сдержанными в этих вопросах людьми.

Здесь нам вспоминается один благочестивый среднего возраста человек, выдающейся образованности (занимавшийся, кажется, педагогической деятельностью), который в начале 1920-х годов приезжая систематически в Москву из Таганрога, где он проживал, — неизменно являлся к Святейшему Патриарху Тихону для разрешения текущих вопросов церковной жизни, возникавших у него в провинции и, главным образом, для принятия патриаршего благословения, ценимого им чрезвычайно высоко.

Однажды, в пояснении этого, Степан Николаевич (так его звали) сказал пишущему эти строки, при встрече в Богоявленском монастыре:

— А как же? Разве вы не понимаете, что Патриарх наш — святой человек? Это совершенно несомненно; это — видно; это — чувствуется.

Ведь святые люди именно такими и были при жизни. Ничем явным они не отделялись от других. Жили среди грешных людей, бывали в той или иной степени обременены самыми обычными житейскими заботами и попечениями... Все как и у всех других, простых смертных людей. Только непосредственное, личное общение с ними, так сказать, реальное, физическое соприкосновение, без сомнения, убеждало всех тех, кто имел счастье пользоваться таким общением, в том, что им предстоит и запросто с ними беседует несомненно благодатная, необычная, из ряда вон выходящая, святая личность, хотя святость эта еще и не апробирована временем и некоторыми подтвердительными фактами.

— Это очень ясно! Очень!.. — закончил Степан Николаевич. — Я, например, никогда и ни на минуту не сомневаюсь в истинности того, о чем говорю вам теперь.

Более громкие и определенные высказывания на эту тему стали раздаваться устно и появляться в (зарубежной) печати сейчас же по кончине Святейшего Патриарха Тихона, которая как внутри страны, так и во всем мире произвела впечатление грома среди ясного неба (учитывая возраст почившего) и возбудила немедленные темные слухи о ее насильственности...

Так, еще в 1925 году в нашей так называемой антирелигиозной печати появилось сообщение о том, что глава русской церковной эмиграции, митрополит Антоний (Храповицкий) еще заранее обещал своему окружению «открыть мощи» Святейшего Патриарха Тихона (*Сахаров К.И.* Патриарх Тихон. М., 1925).

Но если это сообщение не лишено налета безбожнического глумления (столь свойственного подобному сорту людей), то печать церковная, говоря о том же, конечно, была окрашена совсем в иные тона.

Приведем некоторые примеры.

«...Образ Святейшего Тихона — с годами, по мере возрождения Русской Православной Церкви, еще ярче будет блистать на Православном горизонте, как путеводная звезда, — и пребудет он в светлой памяти Православной Церкви не только “Святейшим”, но — даст Бог — и святым (*Теодорович Т. П., протопр.* Воскресное чтение. Варшава. 1926).

«...Уже теперь Тихон, своими благочестивыми детьми...» почитается “...святым” (*Хендрикс //* Голос Литовской Православной епархии. 1931, № 2.)

Святейшего Патриарха Тихона «глас народа уже причисляет к лику святых ...» (Путь (Париж). 1931. № 31.)

Были, конечно, и другие, подобные, сообщения.

Что все такого рода предчувствия и высказывания не являются лишь плодом «бредовых фантазий фанатиков и мракобесов», как это квалифицируется в наших «атеистических» кругах, а имеет под собою. весьма определенную и для верующего сознания очень логичную и ясно понимаемую почву, — доказывают уже имеющие место зарубежные канонизации русских святых, современников Святейшего Патриарха Тихона, таких, как протоиерей о. Иоанн Сергиев (Кронштадтский), архиепископ Астраханский Митрофан (Краснопольский), и митрополиты Киевский Владимир (Богоявленский) и Петроградский Вениамин (Казанский).

В этом плане нам кажется не лишенными интереса высказывания последнего обер-прокурора Синода, позже (в эмиграции) ставшего профессором Парижской Православной Духовной академии

А.В. Карташева об общем богатстве святостью Русской Церкви, как прошлом, так и современном.

В своем последнем капитальном труде он на эту тему писал следующее:

«...Во избежание излишних сомнений и колебаний в оценке развития Русской Церкви приложим здесь бесспорное мерило святости. Русская Церковь от самой своей колыбели была также ревнительницей прославления собственных святых. Украшая родную землю высоким титулом “Святой Руси”, Русская Церковь оправдывала эту претензию усердными канонизациями, число которых ко времени Петра возросло до 230, а вместе с местночтимыми именами даже и до 500. Стеснительный контроль петровского законодательства временно остановил эту щедрость официальных канонизаций. Но всенародное, соборное почитание чтимых подвижников православного благочестия с казенным законодательством не считалось. Церковная власть прославила до конца синодального периода всего десять новых имен, а частные попытки собирания сведений (например, Е. Поселянина) и данные церковных журналов выявляют более ста новых кандидатов для канонизации. Если к ним присоединить еще сотни новомучеников [коммунистического гонения]*, то свидетельство о богатстве скопившейся харизмы святости в Русской Церкви синодального периода будет бесспорным. Каталог в 500 чтимых святых имен за первые семьсот лет своей истории Русская Церковь смело может противопоставить свой новый месяцеслов и мартиролог только за 250 лет, количественно больший прежнего, да еще под героическим и неувыдаемым венцом мученичества за веру Христову»¹ (*Карташев А.В. Очерки по истории Русской Церкви. Т. 2. Париж: ИМКА-ПРЕСС, 1959. С. 319—320.*)

Возвращаясь к вопросу о святости личности почившего Святейшего Патриарха Тихона, считаем уместным здесь упомянуть и о том, что в начале шестидесятых годов, проживавший на покое в Петушках (Владимирской области) Преосвященный бывший Ковровский Афанасий (Сахаров) показывал пишущему эти строки оригинальную фотографию «из-за моря» (США), — репродукцию с какой-то фресковой или масляной монументальной росписи (по-видимому, в одном из тамошних русских храмов), на которой изображается сонм святых, «в земле Российской просиявших». На видном месте, среди давно и недавно прославленных наших святых, изображен в рост Святейший Патриарх Тихон — в мантии и патриаршем куколе.

После того как мы изложили все эти предчувствия и «знамения времени», будущим православным русским людям остается лишь

*В рукописи вместо этой фразы стоит многоточие.

ожидать (в чем не сомневаемся) последующего подтверждения правильности и остроты религиозной интуиции их предшественников.

О МЕСТОЖИТЕЛЬСТВЕ АРХИЕПИСКОПА ВИЛЕНСКОГО ТИХОНА ВО ВРЕМЯ ЭВАКУАЦИИ В МОСКВУ

Эвакуация архиепископа Виленского и Литовского Тихона вглубь страны от приближающихся полчищ кайзеровских войск, как это ни парадоксально выглядит на первый взгляд, — сыграла свою провиденциальную (вскрывшуюся впоследствии) роль в деле приближения его к Всероссийскому Патриаршему Престолу.

Долго ли прожил архиепископ Тихон в Ярославском подворье в Петрограде, мы не знаем, но что значительную часть времени своей эвакуации из Виленщины он проживал в Москве, это — общеизвестно.

Местопребыванием его в Москве был Данилов монастырь. По соседству — в Донском монастыре расположился его викарий, епископ Ковенский Елевферий (Богоявленский; впоследствии митрополит Литовский), о чем этот последний сам вспоминает впоследствии в своей книге «Неделя в Патриархии» (изданной в Париже)². В Донском же монастыре имели свое пребывание и вывезенные этими двумя святителями виленские святыни: св[ятые] мощи виленских угодников Иоанна, Антония и Евстафия, икона Виленской Божией Матери и др.

Поселение архиепископа Тихона именно в Даниловом монастыре мы склонны объяснить тем обстоятельством, что он издавна пользовался большим уважением и почитанием со стороны тогдашнего настоятеля этого монастыря архимандрита Иоакима³, в прошлом ризничего (в сане иеромонаха) того же монастыря, неоднократно посещавшего Владыку Тихона в Ярославле, в бытность последнего правящим архиереем Ярославской и Ростовской епархии (краткие упоминания о посещениях ризничим Московского Данилова монастыря Ярославля и о пожертвованиях его на благоуукрашение тамошних храмов и на другие благотворительные цели, — неоднократно встречаются в центральной и местной церковной печати предреволюционных лет).

Что же касается значения проживания архиепископа Тихона в Москве в связи с последующим его избранием на Патриарший Престол, то оно, несомненно, имело место и сказалось в том, что в какой-то степени популяризировало его личность в московских церковных кругах, игравших, как известно, на Соборе 1917–1918 гг. не последнюю роль.

И широкий церковный люд московский, и церковно-общественные деятели древней столицы глубоко поняли и оценили временно гостящего в Москве святителя, изгнанного обстоятельствами военного времени из своей епархии. Не прошло и двух лет со времени поселения Владыки Тихона в Москве, как эта оценка высоких духовных качеств его со стороны москвичей нашла свое яркое выражение в акте избрания его (в июне 1917 года) на епархиальную кафедру Первопрестольной столицы взамен уволенного Св[ятейшим] Синодом (по прошению) митрополита б[ывшего] Московского Макария (Невского). Отсюда же до восстановленного Собором Всероссийским Патриаршего Престола, как говорится, «рукою подать»...

ПОПРАВКА К СООБЩЕНИЮ О МЕСТЕ ПОГРЕБЕНИЯ Я.О. Полозова в ДОНСКОМ МОНАСТЫРЕ

Сообщение авторов⁴ о погребении Я.О. Полозова⁵ грешит обычной для них (и совершенно неуместной для историков) журналистской фантастикой⁶.

Отпевание и погребение убитого состоялось 29.11(12.12)1924 г.* в Донском монастыре при небывало громадном стечении молящихся. Чин совершался сонмом духовенства во главе со Святейшим Патриархом Тихоном, произнесшим над гробом теплое и скорбно-прочувствованное слово.

После отпевания тело Я.О. Полозова было погребено на территории нового** кладбища Донского монастыря, примыкающей к южной монастырской стене***. Впоследствии, после переоборудования Серафимовского храма в крематорий, к последнему отошла и вся территория б[ывшего] нового монастырского кладбища, соединявшегося ранее воротами, находящимися в середине южной стены монастыря и теперь наглухо закрытыми, так что прохода из Донского монастыря на территорию крематория не существует.

Вскоре после кончины Святейшего Патриарха Тихона, — кажется, в мае месяце 1925 года, — в связи с предполагаемым устройством крематория из б[ывшего] Серафимовского кладбищенского храма, новое кладбище Донского монастыря было ликвидировано и родственникам погребенных здесь лиц было дозволено перенести своих покойников на другие кладбища. Тогда, по желанию вдовы убитого Я.О. Полозова, тело последнего было перенесено на основ-

* Здесь и далее сохранено авторское написание дат.

** Разрядка М.Е. Губонина.

*** По левую руку, при входе на новое кладбище. — *Примеч. М.Е. Губонина.*

ное, старое монастырское кладбище и погребается с внешней стороны южной стены старого соборного храма параллельно с прахом Святейшего Патриарха, погребенного у этой стены же стены внутри собора. Таким образом, обе могилы, расположенные рядом, разделены лишь основанием фундамента южной стены собора.

Впоследствии могила Я.О. Полозова приходит в совершенный упадок и сравнивается с землею, так что долгое время (20 с лишним лет!) о ней никто и не вспоминал. Многие церковные люди, не знавшие о перенесении тела на старую территорию монастырского кладбища, считали, что Я.О. Полозов остался погребенным на крематорской земле и могилу его считали окончательно исчезнувшей.

При Святейшем Патриархе Алексии (Симанском), после окончания Отечественной войны, когда вновь разрешено было открытие для богослужений старого собора Донского монастыря с захоронением Патриарха Тихона и гробница последнего была восстановлена, ставши предметом всеобщего почитания, — была восстановлена и могила его мученически скончавшегося келейника Я.О. Полозова: сделан был надмогильный холм и водружен крест с краткой надписью⁷. Приходящие поклониться праху Святейшего Патриарха Тихона — обычно заходят и к могиле Я.О. Полозова.

Таким образом, все рассуждения наших авторов, связанные с побудительными причинами погребения Я.О. Полозова «у стены собора» — являются сплошным вымыслом. Кто реально (а не по-журналистски!) представляет себе обстановку последних лет жизни Святейшего, для того станет совершенно ясным, что «избрать для своей могилы» место внутри собора Патриарх никак не мог хотя бы в силу своего врожденного здравомыслия: на его глазах при помощи лжебратий начался развал и разрушение векового — казавшегося незыблемым! — великого здания Русской Церкви; он не только жил в эпоху церковного землетрясения, но — находился в самом эпицентре его! Мог ли в этих условиях, даже и не такой мудрый и одухотворенный человек, заниматься заблаговременным изысканием себе места для вечного упокоения?! Не суетное ли это занятие для Первосвятителя такого духовного диапазона, каким был, как всем известно, Святейший?..

Но наши отважные авторы «Очерков обновленческого движения», ничтоже сумняся, верны и здесь своему «литературному» стилю, беспечно фантазируя и на этот счет..

Святейший Патриарх Тихон был погребен в старом соборе Донского монастыря по совершенно тем же мотивам, в силу которых тело его (не успевшее еще остыть) было «тайнообразующе» перевезено ночью в санитарной машине из Бакунинской больницы. Внешним же поводом (и самым приемлемым для народного сознания) явилось

то обстоятельство, что в последний, предсмертный период его жизни Донской монастырь являлся его жилищем.

Подлый и оставшийся безнаказанным акт бандитского покушения на Святейшего Патриарха Тихона и беспримерное по наглости убийство на его глазах преданного ему Я.О. Полозова – навсегда останется в истории позорнейшим явлением тех лет...

В качестве варианта сообщения Левитина и Шаврова об убийстве Я.О. Полозова приводим следующий рассказ о том же, передававшийся в Москве в ноябре-декабре 1924 года.

«Зимним, темным вечером, 26.11(9.12)1924 года неизвестные злоумышленники в количестве трех человек совершают бандитский налет на квартиру Святейшего Патриарха Тихона в Донском монастыре, расположенном – тогда – на одной из далеких и пустынных окраин Москвы. В это время Святейший совершал свое обычное вечернее келейное молитвенное правило.

Тремя выстрелами из револьвера бандиты убивают келейника Патриарха Якова Анисимовича Полозова⁸, пришедшего снизу, из своей квартиры, и – после убийства скрываются при появлении в прихожей, на месте происшествия, Святейшего Патриарха, поспешно вышедшего на выстрелы из своей комнаты.

При бегстве злоумышленники захватывают с собой две меховые шубы Патриарха, висевшие здесь же, в прихожей, на вешалке.

Яков Анисимович Полозов, плавающий в луже крови, вскоре умирает на руках Патриарха, потрясенного происшедшим на его глазах злодеянием.

Вскоре на место происшествия приходит, проживающий в монастыре, – архимандрит Анемподист (Алексеев)».

НЕКОТОРЫЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АРХИЕПИСКОПЕ ФЕОДОРЕ (ПОЗДЕЕВСКОМ), ЕГО ВЛИЯНИИ НА КЛИР И НАРОД

Любопытным явлением в жизни церковной Москвы времен Святейшего Патриарха Тихона, на фоне ее двадцати четырех умирающих монастырей, была предсмертная вспышка к жизни трех из них, также, конечно, вскоре прекративших свое существование. Имеем здесь в виду краткое возрождение монастырского жития в Даниловском, Высоко-Петровском и Покровском монастырях.

Здесь посвятим несколько строк первому из них.

Последним настоятелем монастыря до самого его разгрома состоял Высокопреосвященный Феодор (Поздеевский), по общему признанию, мудрый и просвещенный святитель.

«...Архиепископ Феодор считался в те времена оплотом церковного консерватизма и строгого Православия. Еще в дореволюционное время будучи ректором Московской Духовной академии и епископом Волоколамским, Преосвященный прославился своей нетерпимостью. В 1917 году, тотчас после Февральской революции он ушел на покой и с тех пор жил в Даниловом монастыре, замкнувшись в суровой отчужденности. Строгий монах и безупречный аскет, знаток святоотеческого богословия и канонического права, Владыка пользовался большим уважением среди архиереев, в числе которых было много его бывших учеников и ревнителей церковного благочестия...»*

Высокоавторитетный и ученый архиепископ Феодор являлся как бы духовным и идейным вождем весьма значительной как по численности, так и по своему удельному весу группы архиереев, солидарных с ним в его строго православных непоколебимых взглядах как по предметам богословским, так и по вопросу о каноническом возглавлении Церкви; Владыка был убежденный патриархист.

Сознательные враги Церкви и вообще различные злые языки нередко, и устно, и в печати, пытались было трактовать приверженность Владыки к патриаршеству, как замаскированную тягу к политическому монархизму, но этот избитый прием наших «церковных» и нецерковных интриганов не имел успеха, ибо был совершенно беспочвенным.

Как бы то ни было, но в самый разгар революционных страстей, архиепископ Феодор был широко ославлен в прессе (преимущественно, конечно, левацкой) как «реакционер» (потому что не выносил никакого беспорядка), и как «ретроград» (ибо не торговал своими убеждениями по примеру многих).

1 (14) мая 1917 года указом Святейшего Синода епископ Волоколамский Феодор, по проискам «революционных» элементов: «прогрессивных» батюшек и левой профессуры, как представитель «самодержавного епископата» увольняется от занимаемой должности ректора Московской Духовной академии с дальнейшим пребыванием на покое.

В преемники ему назначается профессор-протоиерей А.И. Орлов; из «прогрессивных»⁹.

Спустя некоторое время уволенный Владыка назначается управляющим, на правах настоятеля, пришедшим в полный упадок Московским Даниловым монастырем — одним из древнейших в Москве по времени своего основания.

Спустя недолгое время под руководством Владыки Феодора Данилов монастырь кардинально преобразился и приобрел вполне

* Левитин-Краснов А., Шауров В. Очерки по истории русской церковной смуты. Рукопись. — Примеч. М.Е. Губонина. Опубл.: М.; Kusnacht, 1996. С. 314—315.

заслуженную добрую и довольно громкую славу, как постановкой в нем богослужебного дела, так и относительным благоведением его насельников.

Самое же главное заключалось в том, что в его стенах культивировались кадры будущих церковных деятелей, т. к. по старой привычке еще академических времен Владыка, официально будучи на покое и не у дел, продолжал окружать себя многочисленным сонмом ищущих молодых людей, для которых с наступлением нового политического режима в стране пути к духовному просвещению оказались запрещенными.

В его апартаментах денно и нощно пребывал народ в чаянии обогащения своих богословских или церковных познаний, либо желающий осведомиться о самых сокровенных тонкостях, происходящих в сфере высшего церковного управления или во взаимоотношениях Церкви с новорожденной государственностью. Во всех этих вопросах Владыка был информирован полностью.

Кроме того (так как Владыка Феодор держался особняком от резиденции Святейшего Патриарха Тихона в Донском монастыре по тактическим соображениям), то к нему сюда, в Данилов монастырь, постоянно являлась для обмена мнений и консультаций по текущим церковным вопросам та часть епископата, которая по тем или иным соображениям пребывала как бы в некоей негласной оппозиции к Донскому монастырю и патриаршему высшему церковному управлению.

Здесь же тяготела и известная прослойка московской церковной интеллигенции, хотя «идеологическая ставка» Данилова монастыря была на народ, так сказать на самую его широкую, «черноземную» подпочву.

Здесь следует сказать и о том, что хотя Владыка Феодор являлся и крупной фигурой в среде современного ему епископата, обладая незаурядными познаниями и обильными положительными качествами ума и сердца, данными ему от Бога при рождении, но в своей душевной схеме был — по свидетельству многих лиц — порядочным сухарем и, в немалой степени, деспотом и ригористом, что многих от него отталкивало. Эта же яркая черта его характера, по видимому, и заставляла его держаться несколько на отшибе от своих собратий-епископов. Возможно, что к этому была присоединена и некоторая доля горечи обиды за бесславное удаление его со столь заметного и почетного положения ректора Академии, которым он пользовался до революции.

Как бы то ни было, но постепенно, с течением времени Данилов монастырь и возглавляющий его Преосвященный Феодор преврати-

лись в какую-то как бы автокефальную единицу церковной Москвы, живущую и действующую не по общепринятым вековым традициям, а по каким-то своим, одним им известным нормам.

«Феодоровское согласие...» — говорили иногда, не без иронии, про Данилов монастырь...

«Больно уж святы там; живыми на небо лезут! Не сорваться бы...» — подхватывали другие.

Но так осмеливались рассуждать и говорить овцы не ихнего двора.

Истинные же «даниловцы» — начиная от архиереев и кончая самыми зачуханными мирянками — пребывали в полном послушании своих старцев и из воли их никуда не выходили. Высшим же авторитетом (выше которого не может быть на свете) был, конечно, Владыка Феодор.

— Сам Владыка сказал!.. — передавали о чем-нибудь на ухо, и эта формула объясняла и апробировала истинность всего, что шло из уст в уста.

Лишенные церковной печати (столь обильной в дореволюционное время!) и не умея должным образом разобраться в быстро сменяющейся церковной обстановке тех лет, обстановке всегда сложной и сознательно запутанной, — люди слишком склонны были верить всему на слово, и новость, скрепленная чьим-либо высоким авторитетом, приобретала особую ценность и значение. А так как соками Данилова монастыря тех лет питалась огромная масса церковных москвичей и даже периферии и некоторых далеких окраин страны (бывало и так!), то станет понятным тот удельный вес владыки Феодора, который он создал себе в массе почитателей и его моральный и территориальный резонанс.

Говоря короче, Данилов монастырь того времени представлял собою «государство в государстве» с весьма четкими идейными границами, которые легче воспринимались чувством, церковным чутьем, чем сознанием. Все, что вне стен Данилова монастыря, — может быть и хорошим. Но не годится к употреблению до тех пор, пока не получит санкции Владыки Феодора или, «по его благословию», кого-либо из даниловских старцев (иногда, впрочем, и весьма молодых годами!).

Словом, с мнением «Данилова» народ церковный считался, и оно в какой-то (и — немалой!) степени создало в Москве «церковную погоду».

Приняв во внимание все вышесказанное, нетрудно, полагаем, представить себе, что в конце концов, исподволь и постепенно, «Данилов» стал как бы каким-то вторым церковно-религиозным центром Москвы (относительно, конечно), а некоторый элемент гордости

и самолюбования, культивировавшийся в нем, ставил его в некоторый противовес – «Донскому»!

Так и пошли в ход старые, всем известные названия: «Донской» и «Данилов», но с совершенно новым, чисто идеологическим, содержанием и обозначением их значимости. И Данилов монастырь, эта внутрицерковная «оппозиция справа», стала, по выражению одного тогдашнего святителя (из «Донских»), более «тихоновской», чем сам Тихон, что, в свою очередь, являлось немалой помехой для Святейшего Патриарха Тихона в его тяжком труде углаждения пути для Церкви в тот хаотический и трагичный период церковной жизни.

Глава «даниловской оппозиции» Преосвященный Феодор не только никогда не выходил из рамок канонической законопослушности Святейшему (хотя и многое в деятельности последнего подвергал подчас суровой келейной критике), но, наоборот, внешне и официально всеми возможными и доступными средствами содействовал миру и единению вокруг Главы нашей Церкви.

Что касается обновленцев, то, чувствуя во владыке Феодоре одного из своих самых непримиримых врагов, неспособного ни на какие компромиссы, они старались не пропустить ни одного случая, чтобы не «пронести имя его яко зло».

Святейший Патриарх Тихон – со своей стороны – с большим уважением относился к Высокопреосвященному Феодору, хотя прекрасно был обо всем осведомлен и знал о существовании «оппозиции справа» с самого момента ее возникновения. Он все это учитывал и в то же время шутливо называл владыку Феодора с его окружением «конспиративным Синодом». С суждениями «конспиративного Синода», быть может, он даже и в какой-то степени считался, но явно в область своей административной деятельности влияния «Данилова» не допускал, как вообще не допускал никаких и ничьих закулисных влияний в деле высшего руководства Церковью. И насколько это было в его силах – твердо держался этой линии.

Территориально «Донской» и «Данилов» находились рядом, но в действительности их разделяло колоссальное расстояние различия точек зрения на текущую церковную обстановку. На фоне «Данилова» – несколько закосневшего и ошестинившегося в своем якобы повышенном правовеерии своеобразной дореволюционной формации, – «Донской», одухотворенный новыми соборными веяниями возрожденного патриаршества выглядел неизмеримо более динамичным и жизненным, делая свое великое церковное дело без всякой елейной позы. Гонимый от внешних, он в то же время был совершенно свободным внутренне, и эту радость внутренней цер-

ковной свободы, дарованную Собором и Патриаршеством, он старался привить всем чадам Церкви открыто и с ликованием, избегая вести своих последователей стезею ненужных страданий и лжекатакомб...

Конечно, Преосвященный Феодор сам был убежденный патриархист, как и все его великое и малое окружение, но ему (как и многим другим), по-видимому, казалось, что Святейший Патриарх Тихон, при всех неотъемлемых от него высочайших качествах его духа, «как-то не так» и, может быть, «не совсем туда куда следует» ведет Русскую Церковь. Отсюда — надуманная настороженность и некоторое повышенное критиканское шипение (не без доли яда) по отношению к Святейшему Патриарху Тихону и окружающему его высшему руководству Церковью.

Так (или примерно так) сложился тогдашний хотя и не оформленный внешне, своеобразный подпочвенный антагонизм; вернее, подчеркнутая разнонаправленность идеологического порядка между «Донским» и «Даниловым», — одинаково церковная и одинаково добротная, но не спаянная внутренним единством действия и потому мало служившая на пользу Церкви.

Почему-то особенно «подозрительно» владыка Феодор относился к деятельности архиепископа Илариона (Троицкого), особенно после того как Святейший Патриарх очень скоро и решительно выдвинул последнего в ряды своих самых ближайших и доверенных помощников, проницательно распознав и своевременно оценив многие положительные и редкие деловые качества этого молодого и энергичного святителя.

Теперь можно уже сказать, что история подтвердила правильность этого его выбора.

Но, как говорили тогда, мнение архиепископа Феодора о руководящей деятельности архиепископа Илариона было далеко не благосклонным. Он будто бы боялся, что по своей молодости и неопытной горячности последний легко может запутать и без того сложное дело церковного управления в ту пору. Запутать так, что потом и не распуташь. Вообще Преосвященный Феодор опасался того, что молодой архиепископ способен будет свернуть в нежелательную сторону с того единственного пути, намеченного Собором, по которому с великим трудом и чрезвычайными усилиями, борясь на ходу со внешними и внутренними врагами, еще кое-как удастся вести Церковь. Но здесь возникает весьма щекотливый и сомнительный вопрос о том, что знал ли сам-то владыка Феодор ту «сторону» и «тот» путь Церкви, за который он будто бы ратовал, и существовала ли в действительнос-

ти эта «сторона», как некое определенное и всем известное и понятное направление?

Многие маститые иерархи наши и, в первую очередь, сам Святейший Патриарх Тихон на вопрос этот, по-видимому, отвечали отрицательно и не стремились идти по пути самонадеянных планов и человеческих измышлений, давая больше места (в водительстве Церковью) Духу Божию.

Что же касается контроля над деятельностью архиепископа Илариона – если бы такой потребовался – то таковой, в глазах верующего народа был более чем достаточным в лице Святейшего Патриарха Тихона и его церковной интуиции, основанной на неизмеримо более надежных началах, чем книжная мудрость и богословское просвещение академического порядка (хотя он обладал и этими последними).

И это тоже подтвердилось уже исторически.

Таким образом, говоря попросту, окидывая ретроспективным взглядом суждения и взаимоотношения всех этих святителей, нам думается, что со стороны Владыки Феодора некоторая неприязнь к архиепископу Илариону порождалась некоей ревностью делового характера и отчасти прищемленным самолюбием низвергнутого с высокого пьедестала иерарха, которому, естественно, горько было созерцать столь блистательное и даже головокружительное восхождение в «верха» своего бывшего подчиненного в то время, как ему самому было предоставлено киснуть и осудительно перешептывать все деяния управителей Церкви, прикрывшись стеной Данилова монастыря – и только!

Говоря кратко, нам думается, что корни зарождения взаимоотношений этих двух видных святителей того времени следует искать еще в предреволюционные годы, в стенах Московской Духовной академии, где один из них был ректором, впоследствии изгнанным революционным вихрем со своего места, а другой – инспектором; предреволюционная академическая атмосфера была сложна.

Мы не беремся распутывать этот вопрос до конца, но необходимо было его как-то отметить, чтобы рельефнее представить себе происхождение своеобразного отношения «Данилова» к патриаршему окружению в целом и – архиепископу Илариону, в частности.

В заключение и со всей определенностью все-таки нужно сказать следующее:

что владыка Феодор, будучи твердым аскетом и незаурядным ученым-богословом, создал целую плеяду своих учеников-епископов, просвещенных и убежденных церковных деятелей, героически трудившихся и не щадивших своих жизней ради блага Церкви в ту тяже-

лую эпоху, распространяя идеи и дух своего наставника нередко в самых отдаленных углах нашего Отечества;

что руководимый им Московский Даниловский монастырь, при всех, зависевших и не зависевших от своего руководителя недостатках, будучи неким средоточием богословской мысли и церковной деятельности, являлся в те годы незаменимой сокровищницей духа для многих, «ищущих Христова утешения», являясь одновременно и кладезем премудрости церковной, и действующей врачебницей в самом центре современного Вавилона, где каждый ищущий православный христианин мог всегда восполнить оскудевающая и уврачевать немощную*;

что, наконец, сам владыка Феодор (Поздеевский) каков бы он ни был (со всеми своими великими достоинствами и некоторыми человеческими недостатками и слабостями), показал до конца своей жизни пример непостыдного делателя на ниве Божией, безропотно перенеся всю меру страданий, выпавших на его долю, и по всей справедливости, в глазах церковного историка, богослова и бытовика должен быть поставлен в ряд ведущих святителей той знаменательной эпохи церковного бытия, которую украшает и возглавляет немеркнувший образ Святейшего Патриарха Тихона¹⁰.

ЭПИЗОДЫ ОБ ОБЪЕЗДАХ ЯРОСЛАВСКОЙ ЕПАРХИИ

Предлагаем вниманию читателя несколько будничных, так сказать, обычных «рабочих» эпизодов из архипастырской жизни, 74-го святителя на Ярославской и Ростовской кафедре — архиепископа Тихона. Они характерны как для него самого, так равно и для той атмосферы, того настроения простых русских верующих людей, которые весь век свой проживают вдали от больших городов; в стороне от «большой» жизни.

Лично нам эти случайно попавшиеся под руки штрихи показались настолько убедительными и «уютными», чтобы можно было пройти мимо них и не дать познакомиться с ними другим. Как известно:

«Из Америки промысл Божий привел архиепископа Тихона опять в свое Отечество, на древнюю кафедру Ярославскую и Рос-

* Заметим здесь, в качестве исторической справки, что в сфере влияния Данилова монастыря, как бы неким филиалом его, была расположенная недалеко от обители — в кривых переулочках, примыкавших к Даниловской заставе, — женская «Сергиевская община», составившаяся из беженок-монахинь Красностоцкого женского монастыря, эвакуировавшихся в Москву при наступлении неприятеля во время русско-германской войны в 1914–1918 годов [...]. — *Примеч. М.Е. Губонина.*

товскую. Доклад Св[ятейшего] Синода о переводе был утвержден 25 января (7.2) 1907 г., а в марте архиепископ Тихон уже приступил к новому служению, которое продолжалось более семи лет до 22 декабря 1914 года [4.1.1915. — Ошибка, следует 22.12.1913 — 4.1.1914 г. — М. Е. Губонин].

Из этого периода можно извлечь много интересных фактов, характеризующих архипастырскую деятельность Преосвященного Тихона, который неукоснительно стремился быть делателем непостыдным, право правящим слово истины.

Хорошо известно, что Преосвященный Тихон рассматривал свою епархию не как объект для архиерейского администрирования, а как свою духовную семью, о которой он должен иметь отеческое попечение. С этой целью он очень часто объезжал приходы Ярославской епархии и за семь лет посетил их все до одного, притом многие не однажды.

При объездах он лично знакомился с приходским духовенством, с его деятельностью и поведением, узнавал семейное и материальное положение каждого причта, входил во все подробности приходской жизни и через то уяснял себе характер и наклонности каждого пастыря и церковнослужителя.

Посещая тот или иной приход, Преосвященный Тихон запросто останавливался у настоятеля, посещал семьи других членов причта и, можно сказать, входил в самую гущу их повседневной жизни. Рассказывают, что он всегда интересовался семейными альбомами, потому что фотографии родных и знакомых хозяина часто раскрывали его внутренний мир с самой неожиданной стороны.

Так каждый священник и церковнослужитель епархии, в окружении своих семейных и близких людей, входил в богатую память Преосвященного Тихона и становился предметом его отеческой любви и заботы. Через то он знал церковную жизнь епархии в таких подробностях, которые позволяли ему принимать в нужных случаях самые целесообразные и полезные решения*.

Или, как писал местный корреспондент того времени:

«Апостольская ревность и любовь к братьям во Христе побуждают и нашего благостнейшего Владыку с первых же годов своего вступления на Ярославскую кафедру, неослабно и с возможною для архиепископа простотою, посещать грады и веси, ближние и дальние, нашей обширной епархии и повсюду оставлять по себе светлую,

* Ведерников А. Ревнитель церковного единства (К двадцатипятилетию со кончины Патриарха Тихона — 25 марта 1925 г.) // Журнал Московской Патриархии. 1950. № 5. С. 64–66. Здесь и далее все отсылки на источники сделаны М.Е. Губониным и даются в его редакции.

добрую память»*, где обычно «все присутствовавшие [...] были утешены общительностью Владыки, умнейшего собеседника, много выдавшего и охотно делившегося впечатлениями, вынесенными им из восьмилетнего пребывания в «стране свободы»**.

Как в Америке, так и в Ярославле, архиепископ Тихон стремился знать свою епархию и пасомых не по донесениям о[тцов] благочинных, отсиживаясь в архиерейских покоях, а лично, непосредственно, поэтому как там, так и здесь, он многократно объезжает приходы своей епархии, заглядывая в самые отдаленные медвежьи углы, наблюдая и созерцая собственными глазами самые скрытые извилины «Похонской старины».

Нельзя без благодарности не отметить тот факт, что местные «Епархиальные ведомости» и другая церковная периодика тех епархий, где ему суждено было проходить свое архипастырское служение, с достаточной полнотой отобразили на своих страницах многие драгоценные бытовые «мелочи архиерейской жизни», которые прекрасно помогают восстановить ушедший теперь в область истории, строй и колорит церковной жизни интересующих нас епархий.

Зарисовок таких весьма много, но мы (экономя время и место) остановимся лишь на некоторых из них. Итак:

при посещении Углича (в октябре 1907 года) «молва о новом Ярославском Архипастыре, прибывшем на Ярославскую кафедру из Америки, об его доброте, доступности и внимательности ко всякому, высшему и низшему, о новых приемах его в назначении священников, об особенном внимании его к интересам паствы, подстрекало любопытство угличан [...] и возбуждала в них естественное желание поскорее познакомиться с новым святителем Ярославской Церкви». [...]

По случаю «предстоящего на другой день редкого в уездном городке торжества архиерейского освящения храма Владыке благоугодно было освободить воспитанников на этот день от уроков, чтобы и детям дать возможность видеть редкое торжество»***.

9 (22)10.1907 года, маститый настоятель Угличской Успенской церкви протоиерей Константин Николаевич Приоров «удостоился исключительной чести: квартиру его [...] посетил Высокопреосвященный Тихон и здесь искренне и тепло приветствовал о[тца] протоиерея и его супругу, высказывая им самые лучшие пожелания. Этот визит доброго Владыки и его слова глубоко растрогали старца,

* Ярославские епархиальные ведомости. 1911.

** Там же. 1907.

*** Там же.

и он до сих пор вспоминает о посещении Архипастыря, как о светлом празднике»*.

8(21) февраля 1908 года при посещении храма села Еремейцева оказалось, что «прихожан к приезду Владыки в храме было весьма много, между прочим и потому, что в данное время прибыли родственники жениха и невесты и сами они для того, чтобы принять от священника таинство брака. Священник о. Ливанов жениха и невесту подвел под благословение к Архипастырю, и все радовались тому, что Господь удостоил получить святительское благословение имеющим бракосочетаться»**.

При посещении церковно-приходской школы при Николо-Улейминском монастыре «Владыка испытывал учащихся мальчиков и девочек в знании предметов Закона Божия, русского и славянского чтения и арифметики: ответы учащихся были хорошие. Владыка расписался о посещении школы в книге летописи и дал учащимся денег на гостинцы. Обрадованные дети пропели «ис полла эти деспота».

При обозрении храма села Ильинского в Поречье «Архипастырь осчастливил своим посещением дом настоятеля церкви Михаила Розина, где десятилетний сын его приветствовал Владыку стихами.

Благословивши семейство, Владыка изволил откушать чаю. В это время Владыка спрашивал хозяина дома: велико ли семейство, сколько устроенных и неустроенных детей, сколько и в каких учебных заведениях обучается детей» и т. д.

Здесь же Владыка посетил лежащего на одре болезни «заштатного священника о. Алексея Соболева – почетного блюстителя Угличского духовного училища; последнего благодарил за принесенную им жертву в пользу училища».

При отбытии Владыки из села Ильинского «народ не расходился до самых проводов дорогого гостя и, прощаясь со своим благостным Архипастырем, крестил его и себя осенял крестным знамением, выражая тем Владыке все свои сердечные молитвенные благожелания»***.

В погосте Михило-Архангельском на Лому, Владыка испытывает детей по Закону Божию. «Ответы детей [...] удостоены были одобрения Владыки. По окончании испытания Владыка, благословляя детей, каждому из них дал по картинке преподобного Серафима Саровского чудотворца [...] и от себя дал детям на гостинцы»****.

В селе Слизневе, после испытаний в церковно-приходской школе знаний учеников по Закону Божию и другим предметам, «благословив учительницу и детей, которым дал на гостинцы, Владыка

* Там же. 1908.

** Там же.

*** Там же.

**** Там же..

проследовал в дом, занимаемый священником [...] с виду довольно большой, но помещение в нем, которое занимает священник, — две небольшие комнатки и кухня, очень холодно; Владыка почти все время пребывания грелся у железной печи в кухне, так как в передних двух комнатках было очень холодно» [дело было в декабре 1908 г. — *М.Е. Губонин*].

Далее, при посещении церкви села Крутец, Владыку встречает местный священник о. Фарфоровский. Этот священник, «болезненный и робкий, произнес эктенью и многолетия едва слышным голосом и недостаточно внятными. Милостивый Архипастырь ободрил трусливого батюшку и осматривал храм».

Затем Владыка «посетил дом священника о. Фарфоровского, где выкушал чашку чая»*.

17(30) июня 1909 г. архиепископ Тихон посещает «село Никольское на Шексне. По Шексне шел пароход “Вячеслав”. Владыка на лодке был пароходом принят, а затем у пристани села Никольского высажен на берег. Церковь села Никольского была заперта, так как в этот день здесь Владыку не ожидали. Подойдя к церкви Архипастырь распорядился одному из своей свиты ударить три раза в часовую колокол, на каковой звон собралось местное духовенство и народ. В ожидании причта Архиепископ обратил свое внимание на следующее обстоятельство: в ограде церковной гуляет пестрая корова, а на крестах могильных развешано белье и разные одеяла, на что и было указано Владыкою кому следует. Когда прибыл в храм причт, последовала лития, а затем осмотр храма, после чего Владыка, навестив весьма тяжело больного священника о. Тихвинского, сына местного священника, временно у него находящегося, на лошадях отправился в село Васильевское на Шексне»**.

[Батюшка, которого в селе Никольском на Шексне посетил архиепископ Ярославский и Ростовский Тихон, как страждущего на одре болезни пастыря, — был священником Рыбинской Крестовоздвиженской церкви, кандидат Санкт-Петербургской Духовной академии, Иоанн Иоаннович Тихвинский. Он вскоре же скончался: 12 (25) июля 1909 года, 45-ти лет от роду. — *М. Е. Губонин*].

В связи с тем, что одного из заслуженнейших пастырей г. Ярославля, протоиерея Димитрия Васильевича Красотина, постигает заболевание параличом, местная церковная печать пишет:

«Положение было безнадежным и само по себе, но еще осложнилось застойным воспалением легких. Это последнее быстро уничтожило те силы, которые еще сохраняли жизнь и боролись с недугом. Молитвы знаемых, сочувствие всех, ободряющее посещение любвеобиль-

* Там же. 1909.

** Там же. 1909.

ного архиепископа Высокопреосвященнейшего Тихона — все это вместе с научной медициной должны были [должно было. — *М.Е. Губонин*] преклониться пред “волей Божией — лучшей разъяснительницей обстоятельств” — о[тец] протоиерей тихо скончался 19 февраля [3.3.1912 г. — *М.Е. Губонин*] в 5 часов утра на 65 году своей многотрудной и многоплодной жизни...»*

3 (16)11.1912 при посещении пос. «Чебоково» «Архипастырь посетил местную школу [...] Владыка предложил учащимся несколько вопросов по Закону Божию, русскому языку и церк[овному] пению и оставляя школу, дал детям на гостинцы.

Из Чебокова путь лежал по шоссе до г. Романова, куда прибыли в 9 ч[асов] у[тра]. Два дня теплой погоды сделали реку опасной для конной переправы. Поверх льда масса воды, кое-где виднеются полыньи. С большими предосторожностями на одной лошади первым поехал Владыка. Слышится треск льда и бульканье воды. Жутко... Слава Богу, вот уже близко и берег Волги, и через пять минут лошадь вступила на твердую дорогу Романовского берега**.

14(27)1.1913 г. Архиепископ Тихон посещает храм Воскресения на Обноре, куда доезжает на поезде до ст. «Пречистое», а далее на санях.

В местной церкви под спудом почивают св[ятые] мощи прп. Сильвестра Обнорского чудотворца***. [...]

После небольшого отдыха Владыка посетил живущего на покое в том же селе Воскресенском заштатного протоиерея той же церкви Николая Успенского, лежащего почти уже на смертном одре. Преподав ему духовное утешение и благословив его и его семью, Владыка затем посетил второго священника ц[еркви] села Воскресенского о. А. Ракобольского и местного диакона Константина Софийского».

Или как сообщает другой корреспондент:

«Владыка направился в дом о. Александра [Соколова; настоятеля храма. — *М.Е. Губонин*]. Здесь дорогой гость немного отдохнул и ласково беседовал с радушными старичками-хозяевами. Затем [...] Владыка посетил дома причта, а также бывшего настоятеля церкви заштатного

* Там же. 1912.

** Там же. 1912.

*** В литературных произведениях писателя Н.С. Лескова, посвященных быту русского духовенства, в сообщении о даре митрополита Исидора (Никольского) Санкт-Петербургской Духовной академии, упоминается — среди многих других — следующий любопытный документ: «...Донесение Нила (Исаковича), архиепископа Ярославского, в Св[ятейший] Синод о чудесном поднятии крышки у раки преподобного Сильвестра Обнорского, с просьбою совета по этому случаю и разрешения крестного хода и канонизации службы святому». (Вдвойне интересный материал, как по самому чудесному происшествию с поднимающеюся крышкою, так и по отношению к этому делу знаменитого в своем роде архиепископа Нила Исаковича — автора исследования «О буддизме») (*Лесков Н. С. Собр. соч. Т. 6. М., 1957. С. 529*)

протоиерея Николая Успенского, которого суровая болезнь приковала к постели. Сей недвижимый старец дрожащим слабым голосом поведал о своем желании быть у Владыки и лично получить благословение. Милостивый Архипастырь обласкал почтенного старца и успокоил словами: “Вот, Ваше желание теперь исполнилось, я Вас сам посетил” — и благословил благодушно нести старческие немощи. [...]

Извилистая, узкая и неторная тропа не скоро привела Владыку к намеченному месту и цели — попить из св[ятого] колодчика свежей водички. Во все время пути Владыка долго любовался красивою Обнорскою местностью, осторожно спускался по крутизнам горы и по ущелью, при самом спуске к колодчику. Снаружи и внутри красиво отделанная часовенка с величественным образом преподобного и в ней новый сруб для вмещения воды, из горы точащейся; — все это видел, тщательно смотрел и милостиво о всем расспрашивал Высокий Посетитель и все слышанное и виденное запечатлевал в сердце своем. Затем пошли обратно: стали подниматься в высокую и скользкую гору. Этот путь был значительно труднее. Но зато больше на нем было впечатлений. Делались частые остановки, и в каждый раз рассматривались новые виды и являлись новые планы, мысли и суждения. Видимо, Владыке эта продолжительная с некоторыми неудобствами и утомлением прогулка, при легком зимнем холодке в 10°, очень понравилась. Он всюду находил много наслаждений и смело строил разные добрые предположения, говоря: “как чудно-хороша и приятно-полезна эта северная местность должна быть летом, сколько здесь здоровья и спокойствия, при земных благах, здесь обильно обретаемых, можно дешево и удобно получать? Не надо и на Кавказ ездить лечиться. Здесь все к общим бесплатным услугам”.

Приятная прогулка, свежие и сильные впечатления и мирные беседы в большинстве из области старинной и святой — все это незаметно сократило время*.

По-видимому, Владыке Тихону очень понравилась природа и условия жизни в селе Воскресенском на Обноре, так как летом того же года (всего пять месяцев спустя после первого посещения) он вновь прибывает туда уже на более длительный срок для проведения своего отдыха в полюбившейся ему обстановке средне-русской природы.

11(24).7.1913 г. в 9 часов утра, на станцию Пречистое с утренним поездом Северной ж[елезной] д[ороги] прибывает архиепископ Ярославский и Ростовский Тихон.

«Здесь ему представились окружной благочинный Любимского уезда протоиерей Н. Волков, благочинный 1 округа прот[оиерей]

* Ярославские епархиальные ведомости. 1913. № 27.

Лавр Орлов и благочинный 2 округа того же уезда священник К. Заварин. Благословив их, Владыка сказал, что он, по данному им ранее распоряжению, едет в село Воскресенское на Обноре, Любимского у[езда], отдыхать на несколько дней и что он никаких церквей посещать пока не будет. Владыка сел в приготовленный ему экипаж и в сопровождении благочинного свящ[енника] К. Заварина отправился в село Воскресенское, отстоящее от станции Пречистое в 15 верстах. В 11 часов дня Владыка был уже в селе Воскресенском.

Никто так рано не ожидал приезда Владыки, даже и местный причт по печальному недоразумению не успел встретить Владыку в храме и явился к нему, когда Владыка был уже в храме. Благословив местный причт и несколько богомольцев, собравшихся для встречи Владыки и помолившись угоднику Божию прп. Сильвестру, св[ятые] мощи которого почивают здесь под спудом, он отправился в приготовленное для него помещение: свободный церковный дом местного настоятеля. Помещение было свободное, удобное, Владыке понравилось, и он сказал, что думает пожить здесь и отдохнуть недели две. Здесь ему предложен был чай и небольшая закуска. Благословив местный причт и старосту с[ела] Воскресенского, Владыка сказал местному благочинному К. Заварину, чтобы он явился к нему дня через два для дальнейших распоряжений относительно обзора церквей.

До 18 (31) числа Владыка был дома и никуда не ездил: каждый день посещал богослужения, после которых уходил гулять в заповедную рощу и по обнорским высотам, купался в свежих, чистых обнорских водах, а иногда посещал и дома местного причта и беседовал с их семействами. 18-го (31) числа Владыка после ранней литургии в 9 часов утра с местным благочинным священником К. Завариным отправился для обзора в соседнее село Кодорово, отстоящее от села Воскресенского в 4 верстах». После осмотра местного храма «Владыка отправился в церковное помещение настоятеля, где ему были предложены чай и скромная трапеза. По окончании трапезы Владыка гулял в цветнике, устроенном семьей священника, в березовой роще и любовался обнорскими высотами и прекрасным видом на ближайшие приходские селения. Здесь ему представился местный прихожанин землевладелец сельца Некрасова К.П. Панов, который и стал приглашать Владыку к себе в усадьбу и осчастливить его дом своим посещением. Владыка согласился и, благословив семью священника, с благочинным К. Завариным и местным священником о. А. Соколовым отправился в усадьбу — сельцо Некрасово, отстоящее от села Кодорово в 4 верстах. Усадьба Некрасово стоит на правом берегу реки Обноры и имеет живописный вид. Прибыв туда, Влады-

ка благословил семью домохозяина, после предложенного ему чая осматривал усадьбу, гулял по саду и по берегу реки Обноры. Затем по распоряжению домохозяина закинули невод в пруде и в присутствии Владыки вытащили несколько больших головлей, которые и были поднесены Владыке. Владыка поблагодарил за это радушных хозяев. После предложенной ему закуски, Владыка, поблагодарив радушных хозяев за прием, с благочинным священником К. Завариным отправился в село Воскресенское [...]

С 19 по 23 июля (1.5.8) Владыка был дома. 23 числа июля (5.8) Владыка по просьбе прихожан села Афанасьевского в Банеуни ездил в это село. Дорога шла через село Вознесенское; в 8 ч[асов] у[тра] Владыка прибыл в село Вознесенское и с местным благочинным К. Завариным отправился в село Афанасьевское, отстоящее от села Воскресенского в 10 верстах. Прихожане села Афанасьевского, извещенные ранее о приезде Владыки, собрались для встречи его в большом количестве. Прибыв туда около 10 часов, Владыка встречен был местным причтом, который приготовился служить литургию и часы были уже прочитаны. После обычной встречи Владыка [...]» обратился к богомольцам со словом назидания и привета.

«По окончании слова Владыки и благословения им предстоящих началось служение литургии, за которою Владыка молился в алтаре». После литургии Владыке «представился местный прихожанин помещик села Красавина А. Е. Черкудинов, попечитель храма и местной земской школы, который и давал Владыке нужные объяснения по ограде, выстроенной им. Владыка, выразив ему и церковному старосте благодарность за их заботы о храме, велел местному благочинному представить церковного старосту к награде. Затем Владыка посетил дома местного священника и псаломщика, где ему предложены были чай и трапеза. В 1 час дня Владыка, благословив местного причт, старосту и прихожан, собрался домой. На обратном пути заехал в село Вознесенское. Здесь, осмотрев церковь, зашел к местному благочинному К. Заварину, где ему были предложены чай и закуска. Побеседовав во время трапезы с домохозяином и его семьей и благословив их, Владыка в 5 ч[асов] в[ечера] отправился пешком домой». По дороге в деревне Каликиной посетил дом дачника Г.А. Тислера, по просьбе его, а оттуда в лодке по реке Обноре в 7 часов вечера благополучно прибыл в село Воскресенское. 26 числа июля (8 августа), Владыка назначил днем своего отъезда в Ярославль. После литургии, помолившись угоднику Божию Сильвестру и сделав некоторое распоряжение относительно устройства лестницы ко гробу угодника Божия, Владыка, бла-

гословив местный причт и прихожан, которые в благодарность за посещение их храма поднесли ему хлеб-соль, в 4 ч[аса] в[ечера] выехал из села Воскресенского на ст[анцию] Пречистое с местным благочинным. На пути Владыка останавливался в селе Васильевском. Здесь осмотрел летний храм и посетил местного священника о. Д. Соколова, местного диакона И. Успенского и заштатного большого диакона села Васильевского Ф. Зиновьева. Благословив их, Владыка, после предложенной ему трапезы в доме священника, в 7 часов вечера отправился на ст[анцию] Пречистое. Прибыв туда, Владыка благополучно отправился в 9 ч[асов] в[ечера] в г. Ярославль. Посещение Владыкою наших краев произвело самое отрадное и приятное впечатление»*.

В селе Троицкое Берсеневых «Владыка принял приглашение настоятеля посетить приготовленное помещение для ночлега, как было предложено по маршруту. Но так как время еще было раннее, 3 часа дня, то Владыка ночевать не решил остаться, а выразил желание проследовать далее в село Милочево, назначенное для обозрения на 23-е (6.7) число. Но тем не менее отдавая должное радушию и гостеприимству о[тца] настоятеля, Владыка оставался еще несколько времени в селе Троицком. Изволил кушать чай и принять вечернюю трапезу. В беседах о насущных нуждах приходской жизни, о народном образовании, Владыка провел время до 6-ти часов и отбыл, как предположил, в село Милочево»**.

После совершения богослужения в храме села Юцкого «Владыка проследовал в дом священника, где был встречен хлебом и солью хозяйкой дома. Здесь Владыке со свитою был предложен чай и скромная закуска. Владыка милостиво беседовал со всеми и своим добрым, ласковым и внимательным отношением очаровал всех присутствующих»***.

После обследования прихода села Никольского Салтыковых «Владыка посетил дом заштатного псаломщика Якова Васильевича Виноградова, интересовался его трудами по садоводству и плодоводству. Затем Владыка отбыл в село Сеславино»****.

«По отбытии Владыки [из церкви села Любилки. — М. Е. Губонин] [...] народ долго не расходился по домам, делясь друг с другом радостными впечатлениями от посещения Архипастыря, высказывая благодарение Богу за то, что в их бедном приходском храме Бог привел им в первый раз видеть своего Архипастыря служащим, слышать от него слово назидания и получить Архипастырское бла-

* Ярославские епархиальные ведомости. 1913. № 35.

** Там же.

*** Там же.

**** Там же.

гословение; при чем особенно указывали друг другу на добродушие и снисходительность Архипастыря, которые своим чутким сердцем успели заметить за недолгое время пребывания его среди нас»*.

Кажущаяся на первый взгляд (особенно в наше время) некоторая, быть может, подчеркнутая благосклонность всех этих корреспондентов к главному действующему лицу во всех этих заметках отнюдь не может быть расценена как некое раболепство или заискивание перед «начальством», так как и в американских сообщениях и в позднейших — литовских, стиль и тон их остается таким же сочувственным и теплым, везде, без исключения, где речь идет о Высокопреосвященном Тихоне. Повидимому, здесь дело не в авторах заметок, а в нравственном облике того, кому они посвящаются.

В виде иллюстрации высказанного положения закончим серию этих выписок еще двумя, извлеченными нами уже из церковного органа другой, Виленской, епархии, куда Владыка Тихон получил назначение после Ярославля.

В 1914 году, на память свв. апостолов Петра и Павла, «Высокопреосвященнейший Тихон, архиепископ Литовский и Виленский, посетил Виленскую губернскую тюрьму и служил Божественную литургию и молебен в тюремной церкви. [...] Его Высокопреосвященство во время литургии обратился к присутствовавшим на богослужении с назидательным словом. Слова Владыки произвели глубокое впечатление на присутствовавших, и не одна арестантская рука поднялась, чтобы утереть набежавшую на глаза слезу. [...]

По окончании Богослужения Владыка проследовал в кабинет начальника тюрьмы, где внес свое имя в книгу почетных посетителей тюрьмы и принял поднесенные ему администрацией тюрьмы сделанные трудом ссыльнокаторжных заключенных четки из волос в деревянном ящике для их хранения, мозаичной работы, и поясной потрет Владыки в натуральную величину, написанный тушью. Поблагодарив за поднесенные вещи Архипастырь передал начальнику тюрьмы значительную сумму денег для улучшения пищи арестантов. [...]

Архипастырь интересовался историей построения тюремной церкви, бытом заключенных, подробно расспрашивал об арестантах певчих...» и т. д.**

После богослужения в Юрбурге, Владыка по Неману отбывает в Ковну. «Последнее Архипастырское благословение и [...] прекрасный пароход “Светлана”, на глазах массы иноверного населения,

* Ярославские епархиальные ведомости. 1913.

** Вестник Виленского Свято-Духовского Братства. 1914.

усевшего берег, при торжественном колокольном звоне и под стройные звуки молитвы “Спаси, Господи, люди Твоя”, плавно отходит от берега по направлению к г. Ковне, куда он должен прибыть в 3 часа ночи. [...]

Заря перестает давать свет, становится темновато и, вот на “Светлане” зажигаются разноцветные электрические лампочки, цепью окружающие верхнюю часть палубы. Чудная картина! Архипастырь сидит на палубе, за столиком, и запросто ведет беседу и с духовенством, и с светскими лицами. В природе благорастворение, тишина: на душе тоже тихо, спокойно... И неудивительно... Ибо и душою, и сердцем, и всеми чувствами сознаешь, что близь тебя не Архипастырь только, но и Отец!!...»

Духовники и иподиаконы ПАТРИАРХА ТИХОНА

Иподиаконами Святейшего были вначале известные всей церковной Москве монахи (иеродиаконы), отцы: Марк и Викентий¹¹. Тогда еще не принято было участие светской молодежи в богослужениях с архиереями в качестве иподиаконов, как это повелось повсеместно несколько позднее. Светские молодые люди тогда были ограничены исполнением обязанностей пососнников, книгодержцев, примикириев и рипидоносцев.

Отцы же Марк и Викентий были постоянными и бессменными богослужебными спутниками Патриарха Тихона во всех его бесчисленных московских и загородных поездках по храмам и – доживающим свои дни – монастырям.

После кончины Святейшего, по завещанию последнего (как говорили), оба они были возведены в иеромонахи, а затем были арестованы и отбывали свои ссылки в пределах Средней Азии. Первый будто бы там же где-то и скончался. Отец же Викентий после некоторых передраг одно время объявился под Москвой: в Можайске или в Верее, а еще позже проживал, кажется, в самой Москве, но – как говорили досужие люди из числа всезнающих – сильно стал запивать и совершенно опустился.

Что касается патриаршего духовника, то в период проживания Святейшего на Троицком подворье (стало быть до мая 1922 года), то таковым состоял благостнейший старец из числа иеромонахов-простецов, обитавших на подворье в числе тамошней братии – отец Евмений.

В Донском же монастыре духовником одно время числился один из местных архимандритов: отец Исихий – древнейший старец, также из

«неученых». Он же являлся и официальным духовником патриаршего Высшего церковного управления; на его долю пал долг принятия покаяния многих совратившихся было в обновленческий раскол клириков, мирян и архиереев, включая митрополитов в кавычках и без оных...

Под конец жизни Святейшего Патриарха упоминают еще в качестве его духовника некоего «о. Порфирия с Троицкого подворья», но, к сожалению, никаких подробностей о нем не имеется¹².

Сразу после интронизации Святейшего Патриарха Тихона некоторое и недолгое время иподиаконствовали с ним будто бы иеродиаконы той же Троице-Сергиевой лавры, отцы Мелхиседек и Афоний¹³. Но очень недолго. Известно также, что отец Мелхиседек вскоре же был рукоположен во иеромонаха с последующим проживанием в Гефсиманском скиту. Что же послужило причиной перевода (и куда именно) о. Афония, — сказать затруднительно. Как бы то ни было, непосредственно после них иподиаконами у Святейшего становятся оо. Марк и Викентий — упомянутые выше.

Позже, по освобождении из заключения, Святейшего сопровождал нередко в поездках один из братьев Каверинских, всегда бывавших еще на Троицком подворье — именно старший из них, Володя, — симпатичный молодой человек, блондин с немного выющимися волосами и хорошим юношеским русским лицом. Младший — Миша — на Троицком подворье состоял «в должности» посошника (впоследствии говорили, что он перешел в балетную труппу Большого Театра).

Далее — со Святейшим ездил о[тец] архимандрит Анемподист [Алексеев], в шутку называемый «Главпузо», — благодушнейший человек необъятных размеров (водянка), окончивший дни свои в схиме, в астраханской ссылке, где и погребен его прах на Духосошестввенском кладбище, недалеко от кладбищенского храма, переоборудованного из надгробной часовни после сноса «отцами города» настоящей кладбищенской церкви.

И, наконец уж, в качестве иподиакона и сопровождающего лица у Святейшего, появился злополучный Костя Пашкевич — из духовной семьи Пашкевичей, известных Святейшему еще по Вильне. На голову этого самого Кости Пашкевича и посыпался в свое время весь тот поток кошмарных местных и заграничных подозрений, связанных с кончиною Патриарха Тихона... (а еще ранее — с кончиною митрополита Крутицкого Евсевия Никольского).

Следы его вскоре же — как-то затерялись...¹⁴

КОММЕНТАРИИ

¹ В настоящее время прославлено более 1500 новомучеников и исповедников, совершивших свой духовный подвиг в годы коммунистического гонения.

² Речь идет о книге: *Елевферий (Богоявленский), митр.* Неделя в Патриархии (впечатления и наблюдения от поездки в Москву). Париж, 1931. Елевферий (Богоявленский Дмитрий Яковлевич; 1870—1940) — митрополит Литовский. С 1911 г. епископ Ковенский, викарий Литовской епархии, управлял Литовской епархией после избрания на Московскую кафедру архиепископа Тихона.

³ Архимандрит Иоаким (Хромов Иван), ризничий, с 1914 г. настоятель Данилова монастыря. Был убит вскоре после революции на даче в Икше.

⁴ В данном случае речь идет о А. Левитине-Краснове и В. Шаврове, авторах известной книги «Очерки по истории русской церковной смуты», с которой Михаил Ефимович познакомился в рукописи, часть его замечаний позднее авторы учли при издании книги. В архиве Михаила Ефимовича имеется несколько статей, касающиеся неточностей и ошибок данного труда.

⁵ Полозов Яков Анисимович (1879—9.12.1924), келейник св. Патриарха Тихона, около 25 лет служил Патриарху. Дважды арестовывался, в 1921 г. и 1922 г., по обвинению в «пособничестве в контрреволюционной деятельности Патриарха Тихона». Убит в патриарших покоях в Донском монастыре.

⁶ См.: *Левитин-Краснов А., Шавров В.* Очерки по истории русской церковной смуты / Предисл., примеч. И.В. Соловьева: В 3 т. [2-е изд.] М.: Крутицкое патриаршее подворье, 1996. С. 403—404. (Материалы по Истории Церкви. Кн.10). Весь текст, посвященный Я.А. Полозову, изложенный в книге, начиная с написания имени (которое авторами частично было исправлено после прочтения рукописи М.Е. Губониным), не соответствует действительной биографии патриаршего келейника и был домыслен авторами.

⁷ В настоящее время на могиле Я.А. Полозова установлен памятник в виде креста работы скульптора Клыккова, там же захоронены останки вдовы Я.А. Полозова Наталии Васильевны.

⁸ В некоторых источниках отчество Якова Анисимовича Полозова, пишут как Онисимович, но, по свидетельству родственников и архивных документов, его отчество было Анисимович.

⁹ Орлов Анатолий Петрович (25.03.1879—21.12.1937), профессор, первый выборный ректор Московской Духовной академии, 5 октября 1917 г. был рукоположен в сан диакона, а 9 октября того же года возведен в сан протоиерея с награждением наперсным крестом от Святейшего Синода. После революции неоднократно арестовывался, расстрелян.

¹⁰ К статье приложена фотография архиепископа Феодора с надписью:

«Один из учнейших и непреклонных адептов Русского Патриаршества, настоятель Московского Данилова монастыря, — архиепископ Феодор (Поздеевский).

Род[ился] 21.3(2.4)1876. Урож[енец] Костромской епархии. Ок[ончил] Костромскую Дух[овную] сем[инарию]. 1900 г. — окончил Каз[анскую] Дух[овную] академию; пострижен в мантию; иеромонах. 1901 г. — преподаватель Калужской Дух[овной] сем[инарии]. 1902 г. — инспектор Казанской Дух[овной] сем[инарии]. 1902 г. — магистр богослов[ия]. 1904 г. — ректор Тамбовской Дух[овной] сем[инарии]. 1906 г. — инспектор Московской Духовной семинарии. Архимандрит. 1909 г.— ректор Московской Духовной академии. Член Собора 1917—1918 годов.

[В] 1909—1919(?) гг. епископ Волоколамский; 1917—1919 гг. на покое с управлением Московским Даниловым монастырем; 1919 г. назначен Пермским и Кунгурским (но на епархии не был); 1919—1922 гг. на покое; настоятель Даниловского монастыря. 1922 г. — обновленческим ВЦУ уволен за штат «с признанием нежелательности пребывания [...] в Московской епархии». 1923 г.— архиепископ. Крест на клобук. В 1924—1925 гг. в ссылке в Аулие-Ата, Тургае и других местах, затем до своей кончины († в 1950-х годах, в неизвестности, проживал в провинции, вне общения с последующими возглавителями Православной Русской Церкви)». [Михаил Ефимович не знал, что архиепископ Феодор был расстрелян 23 октября 1937 г. в Ивановской тюрьме. — *Примеч. ред.*].

¹¹ Более подробно о насельниках Троицкого подворья см. статью в настоящем сборнике.

¹² Об о. Порфирии (Горшкове) см. в статье «Троицкое Сергиево подворье при Святейшем Патриархе Тихоне» в настоящем сборнике.

¹³ Афоний (Вишняков Александр Григорьевич; 1870-17.03.1938), иеромонах. С 1892 г. подвизался в Троице-Сергиевой лавре. Был арестован в марте 1921 г. на Троицком подворье вместе с Я.А. Полозовым, вскоре был освобожден и выслан в Сергиев Посад, где жил до своего ареста в 1938 г., добывая пропитание художественными заказами на роспись изделий. Расстрелян на полигоне «Бутово».

¹⁴ Данная статья написана со слов К.П. Мироновой, записанных М.Е. Губониным в Москве в 1941 году. К.П. Миронова, сирота, знакомая Патриарха Тихона с 1912 г. по Ярославлю. По приезду в Москву часто бывала на Троицком подворье, неся послушание о чистоте куколя Патриарха и ухода за его облачением. М.Е. Губонин, записывал еще и другие ее воспоминания о Патриархе Тихоне, которые вошли в сборник «Современники о Святейшем Патриархе Тихоне».

NEW MATERIALS FROM M.E. GUBONIN'S ARCHIVES

M.E. Gubonin prepared for publication two volumes of «The memoirs of His Holiness Patriarch Tikhon». Michail Gubonin continued working at "The memoirs" till the end of his life, he wrote new commentaries to the articles included in the book. The present articles contain previously unknown pages from M.Gubonin's archives, which were not included in his manuscript. (Publication and commentaries by N.A. Krivosheeva.)